

Учреждение образования
«Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка»

Объект авторского права

УДК [81'37:81'367.626.1]:[821.161.1+811.581]

СЮЭ БИН

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИЗАЦИЯ ЛИЧНЫХ
МЕСТОИМЕНЕЙ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ: СТРУКТУРА,
ТИПОЛОГИЯ, МОДЕЛИРОВАНИЕ**

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Минск, 2026

Работа выполнена в учреждении образования
«Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка»

Научный руководитель: **Стариченок Василий Денисович**,
доктор филологических наук, профессор, декан
филологического факультета УО «Белорусский
государственный педагогический университет
имени Максима Танка»

Официальные оппоненты: **Коваль Владимир Иванович**,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского, общего и
славянского языкознания УО «Гомельский
государственный университет имени
Франциска Скорины»

Дружина Наталья Леонидовна,
кандидат филологических наук, доцент, доцент
кафедры мировых языков УО «Витебский
государственный университет имени
П. М. Машерова»

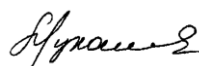
Оппонирующая
организация: УО «Могилёвский государственный
университет имени А. А. Кулешова»

Защита состоится 3 июня 2026 года в 12:00 часов на заседании совета по
защите диссертаций Д 02.21.01 при УО «Белорусский государственный
педагогический университет имени Максима Танка» по адресу: 220030,
г. Минск, ул. Советская, 18, ауд. 482; e-mail: chuhanova@mail.ru; телефон
учёного секретаря: (+37517) 311-20-61.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке УО «Белорусский
государственный педагогический университет имени Максима Танка».

Автореферат разослан 30 апреля 2026 года.

Учёный секретарь
совета по защите диссертаций

А. В. Чуханова

ВВЕДЕНИЕ

Местоимения в системе любого языка составляют особый лексико-грамматический разряд слов, характеризующийся высокой степенью частотности, прагматической обусловленностью, двойственным характером семантики, разнообразием функций и важной ролью в процессе коммуникации. Личные местоимения выполняют исключительную роль в формировании структурно-смысловой и композиционно-информативной целостности текста, в котором они могут выходить за пределы дейктического значения и выполнять заместительную функцию, сущность которой заключается в репрезентации многостороннего образа человека посредством использования субстантивных коррелятов персонифицированного и анимистического содержания. Поэтому исследованиям местоимений в современной научной парадигме уделяется большое внимание.

Несмотря на значительное количество исследований, посвящённых местоимениям, и неослабевающий интерес к такому лексико-грамматическому разряду слов, до настоящего времени остаются нерешёнными вопросы семантики личных местоимений, специфики их репрезентации в различных текстовых фрагментах, количественного состава местоименных экспликаторов и их представленности в различных лексико-тематических группах слов. Вне поля зрения учёных оказываются вопросы моделирования местоименных конструкций и смысловой соотнесённости между различными субстантивными коррелятами личных местоимений в сложных синтаксических конструкциях, не проводились сопоставительные исследования таких конструкций на материале неродственных языков. Поэтому изучение семантизации личных местоимений в русском и китайском языках в определённой степени восполняет имеющийся пробел в изучении дейксиса и функциональной семантики личных местоимений.

Исследование выполнено в русле современной антропоцентрической парадигмы и определяется необходимостью репрезентации в местоименно-субстантивных конструкциях образа человека, который постоянно находится в центре внимания различных видов дискурса и включается в ядро национальной концептосферы любого этноса. Актуальность исследования обусловлена необходимостью более глубокого и детального описания, а также теоретического осмысления процессов функционирования местоименных референтов в различных текстах. Актуальным является моделирование местоименно-субстантивного континуума и выявление основных типов персонифицированных и анимистических семантических моделей. Актуальность также определяется: а) недостаточной изученностью функциональной семантики личных местоимений и отсутствием фундаментальных лингвистических работ по этой проблеме; б) широкой распространённостью и высокой частотой употребления личных местоимений в художественном и публицистическом дискурсе, выполнением ими в различных

контекстуальных ситуациях особых прагмалингвистических функций; в) возрастающей ролью сравнительно-сопоставительных исследований и важностью установления типологических и специфических для каждого из языков способов семантизации личных местоимений.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с научными программами (проектами), темами

Диссертационное исследование проводилось на кафедре языкознания и лингводидактики учреждения образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка» в рамках научно-исследовательской темы «Разработка теоретико-методологических оснований, содержания и научно-методического обеспечения подготовки специалистов в области лингводидактики», «Разработка научно-методического обеспечения подготовки будущих педагогических работников к формированию функциональной грамотности обучающихся» (№ ГР 20212723) и соответствует приоритетным направлениям фундаментальных научных исследований Республики Беларусь на 2021–2025 гг.

Цель, задачи, объект и предмет исследования

Цель исследования: установить специфику семантизации русских и китайских личных местоимений единственного числа в процессе их функционирования в различных контекстах с предметным и абстрактно-понятийным содержанием. Сформулированная цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) установить структурные типы местоименно-субстантивных конструкций в зависимости от степени распространения предикативной части и количественного состава местоименных коррелятов;
- 2) выявить специфику персонифицированных моделей и особенности семантизации местоимений 1-го, 2-го и 3-го лица;
- 3) выявить специфику анимистических моделей и степень представленности в них субстантивных номинаций предметно-понятийного содержания;
- 4) установить смысловые отношения между структурными компонентами в сложных местоименно-субстантивных конструкциях;
- 5) определить типологические сходства и национально-культурные различия в процессе семантизации личных местоимений русского и китайского языков.

Объект исследования: личные местоимения в русском и китайском языках.

Предмет исследования: семантизация личных местоимений «я», «ты», «он» («она») в местоименно-субстантивных простых и сложных конструкциях русского и китайского языков.

Материалом для исследования послужили конструкции с личными местоимениями «я», «ты», «он» («она»), выявленные в текстах Национального корпуса русского языка [<http://www.ruscorpora.ru>], Корпуса китайского языка Пекинского университета [<http://ccl.pku.edu.cn>], Корпуса китайского языка Пекинского университета языка и культуры [<http://bcc.blcu.edu.cn>]. Эмпирическая база исследования представлена 1184 русскими и 1170 китайскими местоименными коррелятами, установленными в более чем 4700 простых и сложных местоименно-субстантивных конструкциях.

Научная новизна результатов исследования заключается в том, что впервые на основе значительного по объёму репрезентативного фактического материала проведено комплексное исследование местоименно-субстантивных конструкций русского и китайского языков, в котором репрезентируется опосредованный образ человека в его различных отождествлениях, сравнениях, образных стереотипных и индивидуально-авторских представлениях. Новым является обращение к различным конструктивным типам местоименных контекстов и установление степеней расширения предикативной части за счёт согласованных определений, однородных членов, генитивов, повторов, сравнений, а также различных видов придаточных частей. В диссертации рассматриваются новые модели семантизации личных местоимений, между структурными элементами которых выявляются перечислительные (синонимические, антонимические, гипонимические, градуальные), пояснительно-разъяснительные, утвердительно-отрицательные, сравнительно-сопоставительные, условные, темпоральные смысловые отношения. Новизна исследования заключается в выявлении специфики реципиентной сферы, представленной различными тематическими группами персонифицированного и анимистического содержания. Особенностью исследования является сопоставительный анализ местоименно-субстантивных конструкций в русском и китайском языках, выявление их типологических и специфических особенностей. Впервые установлены максимально полные списки местоименных коррелятов, включённых в синтаксические конструкции, и на этой основе создан первый в лексикографической практике «Словарь местоименных коррелятов русского и китайского языков».

Положения, выносимые на защиту

1. Семантизация личных местоимений «я», «ты», «он» («она») осуществляется в местоименно-субстантивных конструкциях за счёт многочисленных субстантивных коррелятов, в которых репрезентируется образ человека в его различных сущностях, образах, ипостасях, воплощениях и стереотипных представлениях. Моделирование таких конструкций укладывается в двухкомпонентные структуры, первый элемент которых (левая часть) представлен личными местоимениями, а второй элемент (правая часть) – различными по содержанию субстантивными единицами, которые являются своеобразными заместителями, коррелятами, экспликаторами личных местоимений. В зависимости от количества таких коррелятов выделяются

двух-, трёх-, четырёх-, пяти- и многокомпонентные конструкции, в ряде случаев осложнённые согласованными определениями, генитивами, однородными членами, контактными и дистантными повторами, сравнениями, а также различными видами придаточных частей сложноподчинённых предложений. С точки зрения локализации в таких конструкциях личных местоимений (L) и их субстантивных коррелятов (S) выделяются структурно-семантические модели радиально-веерного ($L = S_1, S_2, S_3 \dots S_n$) и циклично-блочного ($L = S_1, L = S_2, L = S_3, L = S_n$) типов.

2. В персонифицированных конструкциях семантизация личных местоимений, их «расшифровка» осуществляется посредством использования субстантивных коррелятов со значением внешнего вида человека, его работы, возраста, социального статуса, материального положения, родственных и семейных отношений, мировоззрения, физических особенностей, религиозных убеждений, ментальных способностей и многих других не менее важных показателей жизнедеятельности человека, что в целом отражает современную антропоцентрическую научную парадигму. В местоименных контекстах со значением внешнего вида человека, его ментальных способностей, трудовой деятельности, материального состояния могут демонстрироваться коннотативные оппозиции как положительного, так и отрицательного характера. В группу персонифицированных условно включаются модели антропонимического и мифологического содержания.

3. В анимистических моделях личные местоимения проецируются на многочисленные реалии практически неограниченной объективной действительности, что позволяет выявить потенциальные семантические возможности предметных номинаций, специфику их характеризующих функций в конкретных контекстуальных ситуациях. Поэтому в правой реципиентной части таких моделей используются номинации животных и птиц, предметов домашнего обихода, транспортных средств, природных объектов, метеорологических явлений, кулинарных изделий, пространственных и временных координат, абстрактных понятий и многих других сфер. Наибольшее число местоименных заместителей представлено в зоонимической, артефактной, кулинарно-гастрономической, фитонимической и абстрактной моделях.

4. Глубокий семантический потенциал личных местоимений с максимальной полнотой отражается в многокомпонентных синтаксических конструкциях, между структурными компонентами которых выявляются отношения перечислительности (в их синонимических, антонимических, гипонимических и градуальных вариациях), а также пояснительно-разъяснительные, утвердительно-отрицательные, сравнительно-сопоставительные, причинно-следственные, условные и темпоральные смысловые отношения. Основные сценарии развёртывания образа человека осуществляются по наиболее распространённым моделям, которые реализуются в смысловых отношениях утвердительно–отрицательного (*я не – я; я – (я) не;*

ты не – ты; он не – он), условного (*если бы я – я бы; если бы он – то он; если (бы) я – (то) ты; если (бы) я – то он; если (бы) ты – (то) я*), сравнительно–сопоставительного (*я – ты; ты – я; я – он*), пояснительно–разъяснительного (*я, ты, он → это*) содержания. Специфика темпоральных отношений заключается в представленности в структуре текста только одного местоимения, различные ипостаси и перевоплощения которого демонстрируются в конструкциях с различными временными срезами, часто сопровождающимися лексическими показателями типа *раньше (тогда, вначале, когда-то) – а теперь, сейчас – а в те годы, днём – ночью*.

5. В значительном по объёму корпусе русского и китайского языков наблюдаются как общие, так и специфические ретрансляторы заместительной функции местоимений. Их типология обусловлена прежде всего способностью человеческого мышления находить универсальные представления о жизни человека, общими для носителей языков аналогиями образно-познавательной деятельности, а также способами познания, концептуализации и членения объективной действительности. Своеобразие местоименных репрезентаторов человека в сравниваемых языках объясняется различиями культурных, национально-исторических и религиозных представлений носителей русского и китайского языков, особенностями их менталитета, духовного склада, мировидения и миропонимания, а также лексическим и грамматическим строем русского флективного и китайского изолирующего языков. Национально-культурное своеобразие конструкций с семантизированными местоимениями выявляется в количественной представленности местоименных коррелятов, их коннотативном содержании, особенностях реализации потенциальных возможностей местоимений первого, второго и третьего лица, специфике многочисленных синтаксических конструкций и смысловой соотнесённости между местоименными ретрансляторами в структуре текста.

Личный вклад соискателя учёной степени в результаты диссертации с ограничением их от соавторов совместных исследований и публикаций

Диссертация является результатом самостоятельного исследования соискателя. Выводы и положения, сформулированные в ходе исследования, получены автором самостоятельно в соответствии с поставленными целями и задачами. Все опубликованные материалы подготовлены без соавторства.

Апробация диссертации и информация об использовании её результатов

Результаты диссертационного исследования были представлены в форме докладов и сообщений на следующих конференциях: «Язык и межкультурные коммуникации» (Минск, 22 сентября 2023 г.), «Язык, литература и культура Республики Беларусь и Китайской Народной Республики: точки соприкосновения и перспективы взаимодействия» (Витебск, 29 мая 2024 г.), «Чатырнаццатыя Танкаўскія чытанні» (Минск, 20 сентября 2024 г.), «Русский язык: система и функционирование» (Минск, 22–23 октября 2024 г.), «Текст. Язык. Человек» (Мозырь, 22–23 мая 2025 г.), «Язык и межкультурные

коммуникации» (Минск, 23–24 октября 2025 г.), «Язык. Коммуникация. Культура» (Гродно, 23–24 октября 2025 г.).

Опубликованность результатов диссертации

Основные положения и результаты исследования отражены в 12 публикациях, из них 5 статей в рецензируемых научных журналах, 5 статей в сборниках научных работ, 2 статьи в материалах и тезисах научных конференций. Общий объём опубликованных материалов составляет 6,1 авт. л.

Структура и объём диссертации

Диссертация состоит из введения, общей характеристики работы, трёх глав, заключения, библиографического списка и приложения. Общий объём диссертации – 264 страницы, из них 121 страница занимает основной текст (включая 3 рисунка, 7 таблиц), 20 страниц – библиографический список, 123 страницы – приложение.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В первой главе «**Личные местоимения в современной научной парадигме**» приводится обзор основных направлений изучения местоименных слов, различных методологических принципов и подходов к их исследованию. Характеризуются мнения адептов и оппонентов относительно частеречной принадлежности местоимений и критериев их выделения (Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский, Л. В. Щерба, М. В. Панов, И. Г. Милославский, В. А. Белошапкова, В. В. Виноградов, Е. С. Кубрякова, Син Фуи, Ли Цзофэн, Люй Шусян), их семантики (Р. О. Якобсон, О. Н. Селиверстова, Н. Ю. Шведова, Е. В. Падучева, Р. А. Будагов, М. И. Откупщикова). Рассматриваются исследования, посвящённые функционированию местоимений в различных типах дискурса, классификационным типам местоименных слов и их историческому развитию в русском и китайском языках.

Приводится описание семантической модели «личное местоимение»→ «субстантив», в соответствии с которой семантизация местоимений осуществляется за счёт включения в контекст повествования субстантивов персонифицированного и анимистического содержания.

В разделе 1.4 рассматриваются основные корреляты личных местоимений, в число которых включаются различные по смысловому содержанию существительные, а также (реже) адъективы, местоимения, числительные и служебные части речи. В качестве средств расширения семантизации местоимений выступают согласованные определения, генитивы, сравнения, однородные члены предложения, контактные и дистантные повторы, акцентирующие внимание на местоименных коррелятах и подчёркивающие их значимость и важность в структурно-эмоциональном пространстве текста.

Во второй главе «**Структурно-семантические модели местоименно-субстантивных конструкций русского и китайского языков**»

рассматриваются синтаксические конструкции с личными местоимениями «я», «ты», «он» («она») и их ретрансляторами, которые образуют своеобразный местоименно-субстантивный континуум, включающий 1184 русских и 1170 китайских коррелятов персонифицированного и анимистического содержания. Первый подраздел главы посвящён персонифицированным моделям с местоименными коррелятами, представляющими человека с точки зрения его профессиональной деятельности, выполняемых обязанностей, родственных и семейных отношений, возраста, национальной и этнической самоидентификации, материального состояния, ментальных характеристик, места рождения и проживания, темперамента и многих других личностных качеств.

Во втором подразделе рассматриваются местоименные анимистические модели, специфика которых заключается в особой представленности правой тематической зоны модели, включающей 17 групп анимистического содержания (рисунок 1).

Рисунок 1 – Модели анимистического содержания

Первая модель носит зооморфический характер и отражает образ человека, представленного номинациями животных, реальные и воображаемые качества которых приписываются человеку. Включение зооморфизмов в

местоименную модель не выходит за рамки традиционных сравнений и отождествлений, актуализирующих различные аспекты жизнедеятельности человека в их тесном взаимодействии с животными. Метафорическая модель «я», «ты», «он» («она») → животное» характеризуется двунаправленностью, отражающей, во-первых, устоявшуюся символику прототипического «образа» животного и связанных с ним национально-культурных представлений об окружающем мире и, во-вторых, специфику местоимений и их субстантивных коррелятов, включённых в широкий образно-коннотативный контекст.

Предметно-артефактная модель демонстрирует широкие возможности семантизации местоимений посредством субстантивов со значением предметов быта и артефактов, технических устройств, видов транспорта, оружия. В местоименном контексте такие субстантивы приобретают устойчивые переносные значения, связанные не столько с внешним образом человека, сколько с его эмоционально-психологическим состоянием, социальными и ментальными характеристиками. В конструкциях с номинациями городского, железнодорожного и водного транспорта (*поезд* – кит. 火车, *автомобиль* – кит. 汽车, *грузовик* – кит. 卡车, *лодка* – кит. 小船, *корабль* – кит. 船) передаётся динамика движения, сила и целеустремлённость субъекта, эксплицируются его жизненные устремления и экзистенциальные представления, что в целом является отражением универсального когнитивного механизма отождествления человека с движущимися объектами и специфики включённых в местоименный контекст культурных ценностей, закреплённых в языковом сознании двух народов.

На общем фоне семантизированных местоимений выделяется группа, в которой человек осмысливается через образы деревьев, растений и цветов, которые становятся знаковыми посредниками между человеком и миром природы, выражая представление о жизни, времени и духовной сопричастности к бытию. В процесс семантизации чаще всего включаются фитонимы, выявленные в метафорическом значении только в китайском языке: *лотос* – кит. 荷花, *эпифиллум* – кит. 昙花, *цветы сливы* – кит. 梅花, *пион* – кит. 牡丹, *хлопковое дерево* – кит. 木棉树.

Конструкции с наименованиями блюд, напитков, кондитерских изделий выступают не только в качестве неотъемлемого элемента материального мира, повседневной пищевой и кулинарно-гастрономической жизни человека, но и как носители национально-культурных и коннотативных традиций и представлений народа. Метафоризации подвергаются не только общеизвестные кулинарные номинации (*конфета* – кит. 糖, *хурма* – кит. 柿子, *кофе* – кит. 咖啡), но и названия блюд национальной китайской кухни (*ютяо* ‘хворост’ – кит. 油条, *тофу* ‘соевый творог’ – кит. 豆腐).

Во многих местоименных моделях в целевую сферу включаются темпоральные номинации, в которых осмысление жизни человека концептуализируется как быстро сменяющееся, бегущее, невозвратное время в

его прошедшем, настоящем и будущем срезах, представленных часто такими природными явлениями, как утро, рассвет, закат, заря.

Расширение художественного образа местоимений может осуществляться за счёт включения в синтаксические конструкции номинаций водных пространств (*море* – кит. 海, *река* – кит. 河, *ручей* – кит. 溪), атмосферных явлений (*ветер* – кит. 风, *туман* – кит. 雾, *гром* – кит. 雷, *облако* – кит. 云), астрономических объектов (*солнце* – кит. 太阳, *луна* – кит. 月亮, *звезда* – кит. 星星), камней и драгоценных металлов (*золото* – кит. 金 и *серебро* – кит. 银), а также люминальных и звуковых (*свет* – кит. 光, *голос* – кит. 声音) субстантивов.

В разделе 2.2 «Синтаксические конструкции с личным местоимением «ты» рассматриваются семантические модели с местоимением «ты», которое служит для идентификации каких-либо характеристик адресата, собеседника и подвергается семантизации за счёт коррелятов персонифицированного (135 рус., 118 кит.) и анимистического (156 рус., 197 кит.) содержания. Лексическое наполнение обобщённой местоименно-субстантивной модели «ты – субстантив» во многом дублирует состав модели «я – субстантив». В текстовых фрагментах русского и китайского языков референтное *ты* идентифицируется как лицо (персонаж), характеристика которого осуществляется с точки зрения его характера и мировоззрения, внешнего вида, родственных и семейных отношений, социального статуса, профессиональной деятельности, ментальных способностей, возраста, что в целом отражает современную антропоцентрическую научную парадигму. Традиционными являются ассоциации человека, основанные на первичных ЛСВ номинаций животных и птиц, деревьев и растений, природных явлений, небесных светил, бытовых предметов, музыкальных инструментов, а также водных пространств, ландшафтных объектов, артефактов, абстрактных понятий.

Семантизация местоимения «ты» во многих случаях осуществляется за счёт одинаковых субстантивов, демонстрирующих изоморфность денотативного воплощения местоимений 2-го и 1-го лица. Среди общих для русского и китайского языков существительных, используемых в конструкциях с местоимениями «я» и «ты», выделяются 30 русских и китайских субстантивов со значением профессии и рода деятельности, 24 зооморфизма, 16 субстантивов со значением родственных и семейных отношений, 9 фитонимов, 8 абстрактных понятий, а также лексические единицы других тематических групп.

Раздел 2.3 посвящён синтаксическим конструкциям с личным местоимением «он (она)», которое вносит специфику в семантизированный контекст за счёт указания на лицо (предмет), отсутствующее в момент речевого акта или не участвующее в диалоге. Поэтому при выборе характеризующих существительных такое местоимение обладает большими возможностями в использовании различных положительных и отрицательных метафор, социальных ярлыков и культурных образов, каких-либо выводов и

рекомендаций, не всегда строго связанных рамками непосредственного коммуникативного этикета. В группе персонифицированных номинаций представлены 220 рус. и 207 кит. субстантивов, в группе анимистических номинаций – 190 рус. и 217 кит. субстантивов. Большое число местоименных коррелятов выявлено в номинациях со значением профессиональной деятельности (82 рус., 66 кит.), семейного положения (23 рус., 24 кит.), национальности (16 рус., 7 кит.), возраста (9 рус., 9 кит.), религиозных воззрений (7 рус., 8 кит.), внешнего вида и физического состояния (8 рус., 6 кит.). Почти по 30 местоименных коррелятов установлено в антропонимических и мифологических номинациях. В группе анимистических номинаций (190 рус., 217 кит.) семантизация местоимения «он» («она») осуществляется за счёт зоонимических (54 рус., 55 кит.), артефактных (25 рус., 28 кит.), абстрактных (26 рус., 27 кит.) и фитонимических (17 рус., 29 кит.) субстантивов. Редкоупотребительными являются метафоры огня (2 рус., 3 кит.), света (3 рус., 3 кит.), камней и драгоценных металлов (3 рус., 4 кит.).

Траектория представлений о самом себе, своих собеседниках и тех, кто не участвует в диалоге, проецируется на номинации человека, количественный состав которых позволяет провести ранжирование между личными местоимениями 1-го, 2-го и 3-го лица. Чаще всего в персонифицированных конструкциях используются субстантивные заместители местоимений «он», «она» (427 лексических единиц), далее следуют ретрансляторы местоимения «я» (410 лексических единиц) и завершаются ранжированные показатели местоимением «ты», которое представлено 253 субстантивами. В анимистическом корпусе лидируют местоименные корреляты 1-го лица (504 субстантива) и 3-го лица (407 субстантивов). Местоимение «ты» вербализируется в различных контекстах с 353 лексическими единицами.

В конструкциях с местоимением 1-го лица чаще всего используются русские лексические единицы зоонимического (45 слов), абстрактного (44 слова), предметного (30 слов) и фитонимического (25 слов) содержания. В конструкциях с местоимением 2-го лица – лексические единицы зоонимического (46 слов), абстрактного (24 слова), фитонимического (18 слов) и предметного (17 слов) содержания. В конструкциях с местоимением 3-го лица – лексические единицы зоонимического (54 слова), абстрактного (26 слов), предметного (25 слов) и фитонимического (17 слов) содержания. Примерно такое же ранжирование наблюдается и в китайских субстантивных заместителях 1-го, 2-го и 3-го лица.

При установлении количественных показателей учитывался факт использования одних и тех же местоименных коррелятов в отношении 1-го, 2-го и 3-го лица. Во внимание принимались одинаковые по формально-грамматическому и семантическому показателям лексические единицы, употреблённые несколько раз в отношении различных местоимений. Поэтому число реально употребляемых местоименных коррелятов всех трёх местоименных форм превышает количество лексических единиц, исчисляемых

не по совокупности контекстов с тем или другим местоимением, а по наличию или отсутствию конкретного субстантива в одном или нескольких контекстуальных ситуациях. На рисунке 2 представлены количественные показатели употребляемости местоименных коррелятов в конструкциях только с каким-либо одним местоимением или в конструкциях с двумя или тремя местоимениями.

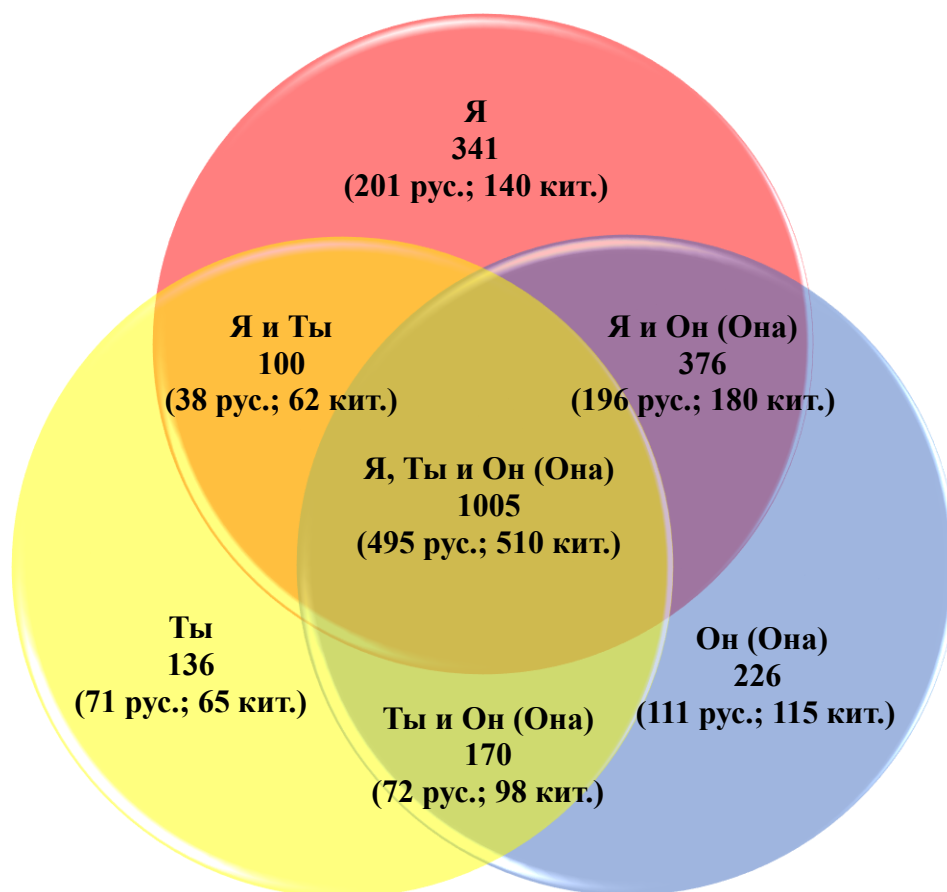

Рисунок 2 – Количественная представленность субстантивных коррелятов в конструкциях с одним или несколькими местоимениями

Как видно из рисунка, центральное место в нём занимает позиция, представленная количеством субстантивных коррелятов (495 рус., 510 кит.), которые использовались во всех трёх местоименных формах. Семантизация местоимений «я» и «он» осуществлялась в контекстах с 196 русскими и 180 китайскими субстантивами, местоимений «ты» и «он» – в контекстах с 72 русскими и 98 китайскими субстантивами. Реже всего использовались одни и те же субстантивные единицы в отношении местоимений «я» и «ты» (38 рус., 62 кит.).

Глава 3 «Структурно-семантическая организация многокомпонентных местоименных конструкций» включает два раздела, в первом из которых рассматривается структура многокомпонентных

конструкций, которые в зависимости от расположения в них местоименных коррелятов и их количественного состава подразделяются на двух-, трёх-, четырёх-, пяти- и многокомпонентные конструкции перечислительного характера, в ряде случаев осложнённые лексическими повторами и сравнениями. Структура многих конструкций представлена в виде сложноподчинённых предложений с различными видами придаточных частей, сложносочинёнными и бессоюзными предложениями, осложнёнными однородными и обособленными членами предложения, которые выполняют важную роль в структурировании, когезии и связанности текста. При этом личные местоимения и их корреляты могут располагаться как в пределах одной структурной части сложного предложения, так и в разных его частях.

Раздел 3.2 третьей главы посвящён смысловым отношениям, выявляемым между местоименными ретрансляторами в многокомпонентных конструкциях. Экспликация нескольких референтов в таких конструкциях создаёт условия для многомерной, объёмной и часто противоречивой характеристики персонажа. Между местоименными коррелятами устанавливаются различные виды смысловых отношений, представленные в местоименно-субстантивном континууме шестью основными типами.

1. Перечислительные отношения наблюдаются в текстах, объединяющих в своём составе несколько однородных компонентов, которые соотносятся с неким понятием более высокого уровня абстракции, одного логико-понятийного и тематического класса предметов. В зависимости от смыслового объёма компонентов перечислительного ряда выделяются синонимические, антонимические, гипонимические и градуальные перечислительные отношения.

2. Пояснительно-разъяснительные отношения предусматривают включение в текст дополнительной информации разъяснительного, пояснительного и оценочного содержания. Такие отношения чаще всего устанавливаются в сочинительном ряду между частями сложных бессоюзных предложений, в первой части которых содержится лексическое наполнение местоименной модели «я» («ты», «он») → *это...*, во второй части – логический вывод, заключение, конкретизирующее и уточняющее смысл структурно-семантической модели. Специфика такого рода пояснительно-разъяснительных отношений заключается в их имплицитности, отсутствии союзных и наречных причинно-следственных сочетаний типа *и поэтому, потому что, так как*, которые могут быть включены в текст без каких-либо существенных его изменений: 天姬道: “她是我的敌人, 我对她恨入骨髓, 她又是我的朋友, 是我最亲的亲人, 我对她爱到极至。”(令狐庸) – Чу Тяньцзи сказал: «Она мой враг [и поэтому], Я её ненавижу до глубины души; Она также моя подруга, моя ближайшая родственница [и поэтому], я её и очень люблю».

3. В утвердительно-отрицательных отношениях посредством актуализации каких-либо отрицательных явлений демонстрируются утвердительные сущности, понятия и характерологические признаки. Основные сценарии развёртывания характеристики человека осуществляются по наиболее

распространённым моделям «я не – я...», «я – (я) не...», «ты не – ты...», «он не – он...»: *Я не волк, мил человек, я заяц.* (Б. Васильев); *Я друг, я не губитель твой!* (Н. Некрасов); *Ты демон, а не человек!* (Ф. Булгарин); *Я не метеор, я гордая маленькая звезда; он не обычный человек, он тигр.*

4. Сравнительно–сопоставительные отношения чаще всего наблюдаются между местоименными экспликаторами «я» – «ты» («ты» – «я»), «я» – «он» («она»), «я» – «вы», в которых актуализируются амбивалентные характеризующие признаки, связанные с отражением внешнего вида человека, его профессиональных качеств, умственных способностей, национальности, религиозной принадлежности и др: *Я нищий, ты богач.* (В. Дорошевич); *Ты – ученик, я – учитель.* (А. Батюто); *Я – старик, она – дитя. Её жизнь вся прошла предо мною.* (А. Красницкий); *Вы – свет, а я – тень;* (М. Волконский); *你是老子我是儿子.* (刘玉民) – *Ты отец, а я сын;* 也不知多么想见到他, 可是他是一只翱翔万里的雄鹰, 我只不过是一只纤弱的燕子. (倪匡) – *Я так мечтала его увидеть, но он – орёл, парящий очень далеко, а я – всего лишь хрупкая ласточка.*

Амбивалентность синтаксических конструкций в ряде случаев носит не строго антонимический, а ассоциативный характер, в силу чего представленные в текстах местоименные корреляты не имеют прямых оснований для сравнения. В таких конструкциях отражается специфика авторского мышления, жизненный опыт писателя, его умение находить явные и скрытые различия и подобию предметов объективной реальности, выстраивать их в одном или нескольких местоименно-субстантивных блоках: рус. *рыба и вода, продавец и покупатель, леший и домовый, небо и земля (море),* кит. *贼和骗子 (вор и лжец), 磐石和蒲草 (скала и камыш), 鸟和树 (птица и дерево).*

Традиционная и логически закономерная асимметричность может нарушаться за счёт включения в контекст одинаковых по семантике коррелятов, в результате чего противопоставление становится «нулевым», эквиполентным, семантически согласованным и соразмерным: *Ты – албанец, я – албанец.* (В. Дорошевич); *Я – казак, ты – казак.* (А. Веселый); *Я камень, ты камень.* (М. Цветаева); *你是人, 我也是人, 我有必要对你低声下气吗?* (林晓筠) – *Ты человек, и я тоже человек, должен ли я смиряться перед тобой?;* *我是水, 你也是水, 水和水在一起, 还是水.* (百合) – *Я – вода, и ты – тоже вода, вода и вода вместе – ещё вода.*

5. Отношения условности чаще всего реализуются в сложноподчинённых предложениях с придаточными условия и определяются взаимодействием двух ситуаций, когда осуществление каких-либо фактов, событий или явлений становится возможным при выполнении каких-либо условий. В придаточной части таких предложений используются практически все личные местоимения в сочетании с союзом *если (если бы).* В зависимости от представленности того или иного личного местоимения в придаточной части выделяются три группы

моделей, по которым строится текст. Первая группа моделей представлена сложноподчинёнными предложениями с местоимением «я» в придаточной части (*если бы я был – я бы; если бы я был – то; если (бы) я – то ты*): *Если бы я был Дедом Морозом, то заставил бы людей верить в чудеса.* (С. Ткачева); *Если бы я был свечой, я бы горел от начала до конца.* Вторая группа семантических моделей, носящая в ряде случаев характер долженствования, необходимости совершения какого-либо действия или поступка, воплощается в сложных предложениях, в условной части которых используется местоимение *ты* (*если (бы) ты – я; если ты – то*): *Если ты разумный человек, то должен заботиться о своем здоровье.* (М. Спиричева); *Если облако ты белое, тогда я полевой цветок, все для тебя я сделаю, когда придет любви моей срок.* (В. Аксенов); *Если ты роза, я хотел бы быть зелёным листом и сопровождать тебя всю жизнь.*

В третьей группе моделей, выражающей акционально-событийные отношения, предполагается использование в придаточной части местоимения *он* (*если он... я; если (бы) он – то он; если он – то ты; если он – вы*): *Если он добрый человек, я готов с ним делить хлеб-соль.* (Н. Успенский); *Если он бизнесмен, он мог бы помочь тебе.*

6. Специфика темпоральных отношений заключается в представленности в местоименных конструкциях только одного местоимения в его различных временных срезах и разных субстантивных модификаторах, представляющих развиваемые во времени и пространстве различные ипостаси, перевоплощения и трансформации образа человека. При этом могут использоваться лексические временные показатели типа *раньше – а теперь, сейчас – а в те годы, днём – ночью*: *Раньше я была оптимисткой в пессимизме, а теперь я в оптимизме пессимистка.* (М. Вишневская); *Сначала он был зрителем, а потом стал актёром.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты диссертации

1. Личные местоимения в структуре синтаксических конструкций подвергаются семантизации и включают в этот процесс многочисленные субстантивные единицы (1184 рус., 1170 кит.), в которых демонстрируются многоликие образно-выразительные «фокусы» различных ассоциаций, отождествлений, сравнений, воображений и стереотипных представлений образа человека. Моделирование таких конструкций принципиально отличается от традиционных семантических моделей с тремя понятийными сферами (источник, результат и связывающие интегральные компоненты семантической

деривации) по причине отсутствия третьего компонента традиционной модели, связующего исходную и результативную сферы. Поэтому местоименно-субстантивные модели укладываются в двухкомпонентные структуры, первый элемент которых (левая часть) представлен личными местоимениями (в синтаксической конструкции это подлежащее, своеобразная тема высказывания), а второй элемент (правая часть) – различными по содержанию заместителями личных местоимений, их экспликаторами референтами коррелятами. В зависимости от количества местоименных коррелятов выделяются двух-, трёх-, четырёх-, пяти- и многокомпонентные конструкции (в отдельных случаях они представляют законченное художественное произведение с множеством повторяющихся смысловых центров). В качестве дополнительных компонентов расширения семантизации местоимений используются согласованные определения, генитивные конструкции, однородные члены, сравнения, контактные и дистантные повторы, а также различные виды придаточных частей сложноподчинённых предложений, которые служат средством расширения структурного, семантического и эмоционального пространства местоименных конструкций.

С точки зрения локализации личных местоимений (L) и их субстантивных коррелятов (S) выделяются структурно-семантические модели радиально-веерного ($L = S_1, S_2, S_3 \dots S_n$) и циклично-блочного ($L = S_1, L = S_2, L = S_3, L = S_n$) типов. В первой из них личное местоимение, фиксируемое в тексте один раз, проецируется на перечислительный субстантивный ряд. Вторая модель включает интонационно и семантически завершённые циклы с многократным повторением личных местоимений, которые усиливают эмоциональную и смысловую нагрузку высказывания [1; 2; 4; 7; 8; 10; 12].

2. В персонифицированных конструкциях семантизация личных местоимений осуществляется посредством использования субстантивов со значением личностных характеристик человека. Специфика персонифицированных моделей заключается в зеркальной соотнесённости их правой и левой частей, представленных исключительно номинациями человека, чаще всего в их первичных непрямых значениях, реже – в переносных метафорических образах. Персонифицированный континуум, представленный 15 лексико-тематическими группами, включает 587 русских и 503 китайских местоименных заместителей, распределённых в рамках местоимений 1-го (232 рус., 178 кит.), 2-го (135 рус., 118 кит.) и 3-го (220 рус. и 207 кит.) лица.

Ядро этой довольно многочисленной персонифицированной сферы составляют субстантивы со значением профессиональной деятельности человека (220 рус., 180 кит.), семейных и родственных отношений (68 рус., 64 кит.), национальной и этнической самоидентификации (35 рус., 20 кит.), внутренних качеств и темперамента (34 рус., 25 кит.), возраста (26 рус., 23 кит.), физического состояния (19 рус., 12 кит.), религиозных убеждений (17 рус., 14 кит.), материального состояния (12 рус., 14 кит.). В отдельных случаях вместо субстантива используются описательные конструкции с качественными

и относительными прилагательными типа *бедный человек, честный человек, старая женщина, красивая девушка, городской житель, деревенская жительница, жадный мужчина*. В местоименные модели могут включаться субстантивы, актуализирующие в разных контекстных ситуациях как позитивную, так и негативную коннотацию (*богач, бедняк; красавец, урод; ангел, дьявол*).

В персонифицированном континууме востребованными оказались антропонимические номинации, которые чаще всего соотносятся с местоимением «я» (45 случаев), реже – с местоимениями «он», «она» (33 случая) и «ты» (11 случаев). Они выступают как особые маркеры познавательного и культурно–исторического опыта народа, свёрнутые национально-культурные коды, включающие фамилии и имена литературных персонажей, известных художников, писателей, полководцев, выдающихся политических деятелей [3; 4; 5; 6; 7; 12].

3. В анимистических моделях в качестве местоименных заместителей выступают многочисленные реалии объективной действительности, представленные, как правило, вторичными метафорическими лексико-семантическими вариантами. Широкий анимистический реестр местоименных коррелятов можно считать художественной маской, конструктом, гипотетическим домыслом, мощнейшим инструментом художественной выразительности, что в целом позволяет представить довольно конкретный, наглядный и многогранный образ человека в 17 инвариантных местоименно-субстантивных моделях с 1264 местоименными коррелятами (597 рус., 667 кит.).

Чаще всего анимистическая модель реализуется в зооморфических структурах, раскрывающих содержание местоимений через ретрансляцию характеристик животных на человека, что является отражением универсальных культурных кодов, с помощью которых базовая этнокультурная информация преломляется через призму сознания человека и употребляется для характеристики человека. Местоименно-зооморфный состав русского и китайского языков представлен примерно одинаковым количеством номинаций (145 рус., 151 кит.), которые распределились по следующим группам: зоонимы (75 рус., 73 кит.), орнитонимы (42 рус., 39 кит.), инсектонимы (17 рус., 20 кит.), ихтионимы (5 рус., 7 кит.), герпетонимы (6 рус., 12 кит.).

В анимистическом корпусе широко представлены субстантивы со значением предметов быта и артефактов, технических устройств (72 рус., 88 кит.), транспортных средств (16 рус., 17 кит.), орудий и вооружений (16 рус., 17 кит.). Явная и прозрачная денотативная соотнесённость таких номинаций делает предсказуемым и ожидаемым процесс образования метафорических дериватов. Так, предметные корреляты демонстрируют механичность, безвольность человека, его подверженность внешнему воздействию; названия оружия и средств вооружения чаще всего выражают душевное состояние человека, внезапное, бурное проявление чувств, резкую их смену, предстоящую

опасность; в смысловых структурах номинаций транспортных средств актуализируются внутренние состояния субъектов, их духовные поиски и устремления, экзистенциальные переживания, что в целом является отражением универсального когнитивного механизма отождествления человека с движущимися объектами.

Местоименные фитонимические корреляты (60 рус., 95 кит.) выступают в качестве особых культурных символов и моральных аллегорий, знаковых посредников между человеком и миром природы. Номинации кулинарно-гастрономического содержания (24 рус., 50 кит.) являются не только неотъемлемыми элементами повседневной жизни человека, но и носителями национально-культурных и коннотативных традиций и представлений народа.

Расширение инвариантной семантической модели может осуществляться за счёт включения в контекст абстрактных понятий (94 рус., 72 кит.), звуковых и световых представлений (26 рус., 30 кит.), темпоральных обозначений (22 рус., 22 кит.), а также редких, необычных индивидуально-авторских субстантивов, представляющих человека: рус. *пальто, дверь, монета, арфа, матрёшка, ковёр, гармонь, комод, лира, нефтепровод, чашка, стекло, провод*; кит.: 钢琴 ‘пианино’, 烟花 ‘фейерверк’, 炉子 ‘печь’, 蛛网 ‘паутина’, 路基 ‘полотно’, 痕迹 ‘след’, 驳船 ‘баржа’ [1; 2; 7; 9; 11].

4. Между местоименными коррелятами в структуре текста устанавливаются различные виды смысловых отношений, которые группируются в шесть наиболее репрезентативных типов (перечислительный, пояснительно-разъяснительный, утвердительно-отрицательный, сравнительно-сопоставительный, условный, темпоральный). Первый из них реализуется в конструкциях перечислительного характера, где местоименные заместители сочетаются между собой на уровне одинаковых или более объёмных (часто противоположных) логико-понятийных уровней абстракции (синонимического, антонимического, гипонимического, градуального).

Вторую группу образуют конструкции с пояснительно-разъяснительными отношениями, которые устанавливаются между частями сложных бессоюзных предложений. В первой части таких предложений реализуется модель «я» («ты», «он») → *это*, в которой содержится раскрытие какого-либо «биографического» факта человека. Во второй части представлен логический вывод, заключение, дополнительное разъяснение или уточнение содержания предшествующего высказывания.

Третий тип смысловых отношений реализуется в утвердительно–отрицательных предложениях, основные сценарии развёртывания образа человека в которых осуществляются по наиболее распространённым моделям *я не – я; я – (я) не; ты не – ты; он не – он*.

Сравнительно–сопоставительные отношения предполагают установление нетождественности или какого-либо несоответствия между двумя местоименными коррелятами. Структурные модели, отражающие такие отношения, представлены основными разновидностями «я» – «ты» («ты» –

«я»), «я» – «он» («он» – «я»). Закономерная асимметричность, амбивалентность местоименных коррелятов в ряде случаев утрачивает строго противительный характер и реализуется в оппозициях, логически не соответствующих каким-либо антонимическим показателям: рус. хозяин и гость, продавец и покупатель, небо и земля; кит. (歌曲和歌手 ‘мелодия и певец’, 病人和护士 ‘пациент и медсестра’, 鱼和水 ‘рыба и вода’, 猫和老鼠 ‘кошка и мышь’, 鸟和树 ‘птица и дерево’).

Синтаксические конструкции с условной семантикой в зависимости от представленности в них тех или иных местоимений подразделяются на три группы. В первой из них семантизируется местоимение «я», включённое в придаточную часть сложноподчинённого предложения с союзом *если*: *если бы я был – то*; *если (бы) я – то ты*; *если (бы) я – то он*. Во второй группе в условной придаточной части используются конструкции с местоимением «ты»: *если (бы) ты – я*; *если ты – то*. В третьей группе придаточная часть включает конструкции с местоимением «он»: *если он – я*; *если он – то ты*; *если он – вы*. Специфика условных отношений во многом зависит от расположения местоимений в главной и придаточной частях. В зависимости от этого выделяются зеркальные симметричные структуры с повторением одних и тех же местоимений в главной и придаточной частях (*если бы я – я бы*; *если бы он – то он*), а также структуры асимметричного характера типа *если (бы) я – (то) ты*; *если (бы) я – то он*; *если (бы) ты – (то) я* и др.

Семантизация темпорального характера, как правило, осуществляется в отношении какого-либо одного местоименного ретранслятора, временная проекция которого очерчивается показателями бытия человека в прошедшем, настоящем и будущем времени и в ряде случаев сопровождается соотносительными наречными и субстантивными сочетаниями типа *раньше (тогда, вначале, когда-то) – а теперь; сейчас – а в те годы; днём – ночью* [3; 4; 5; 7; 10].

5. В русских и китайских местоименно-субстантивных конструкциях наблюдаются как общие, так и специфические черты семантизации личных местоимений. Оба языка в основном опираются на персонифицированную и анимистическую фундаментальные модели, что объясняется универсальностью когнитивных путей человеческого мышления, общими для носителей двух языков аналогиями образно-познавательной деятельности и способами познания, концептуализации и членения объективной действительности. Несмотря на сходство структурных моделей, конкретная лексика, заполняющая эти модели, её количественный состав, смысловое наполнение и культурные коннотации, а также логика включения местоименных экспликаторов в контекст повествования демонстрируют значительные различия, что является отражением специфики русского и китайского языков, особенностей менталитета, духовного склада, мировидения и миропонимания носителей этих языков.

Количественные показатели русских и китайских местоименных коррелятов демонстрируют диспропорцию между некоторыми моделями русского и китайского языков, заключающуюся в превалировании китайских

субстантивов в фитонимических (95 кит., 60 рус.), кулинарно-гастрономических (50 кит., 24 рус.), метеорологических (19 кит., 12 рус.), аудильных (21 кит., 16 рус.) моделях. В русском языке преобладают конструкции, включающие абстрактные существительные (94 рус., 72 кит.), наименования лиц по их профессиональной деятельности (221 рус., 179 кит.), национальности (35 рус., 20 кит.), темпераменту, внутреннему психическому состоянию (34 рус., 25 кит.). В разрезе представленности коррелятов трёх лиц местоимений лидируют конструкции с местоимением «я» (232 рус., 178 кит. в персонифицированном корпусе, 251 рус., 253 кит. в анимистическом корпусе).

Лексические единицы русского и китайского языков, включённые в субстантивно-местоименные модели, могут характеризоваться разным коннотативным содержанием, проявляющимся наиболее ярко в зооморфических, фитонимических и кулинарно-гастрономических, конструкциях. При этом одни и те же местоименные корреляты в разных контекстных ситуациях могут приобретать как положительную, так и отрицательную коннотацию.

В большей степени для китайского языка характерны многокомпонентные местоименные конструкции с пояснительной, уточняющей, причинно-следственной и разъяснительной частями. Как правило, они включаются в философский, морально-этический контекст повествования в виде самостоятельных предикативных частей, семантически связанных не столько с предшествующими структурными компонентами, сколько с апелляцией к прецедентным феноменам, историко-литературным аллюзиям, известным устойчивым выражениям, фразеологизмам, преданиям и мифам. Большинство контекстов с прецедентным содержанием используется в зооморфических моделях, где стереотипные национально-культурные фрагменты бытия проецируются на местоименные зооморфные ретрансляторы и выражают как рациональную, так и эмоциональную оценку человека и происходящих в контексте с ним событий (狗熊掰玉米 ‘медведь собирает кукурузу’, 落水狗 ‘упавшая в воду собака’, 井底之蛙 ‘лягушка в колодце’). Использование интертекстуальных отсылок свидетельствует о том, что семантизация местоимения в китайском языке является не простой изолированной метафорой, а «имплантацией» в актуальный дискурс уже культурно закодированного когнитивного сценария с понятным для носителей китайского языка эмоциональным подтекстом [1; 2; 4; 8; 10].

Рекомендации по практическому использованию результатов

Основные положения и результаты диссертации могут быть использованы при дальнейшей разработке проблем семасиологии, лингвистической типологии, семантической деривации, в процессе преподавания практических курсов русского и китайского языков, написании дипломных и магистерских работ, а также в лексикографической и переводческой практике.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ УЧЁНОЙ СТЕПЕНИ

Статьи в научных журналах, включённых ВАК Республики Беларусь в Перечень изданий для опубликования результатов диссертационных исследований

1. Сюэ Бин. Местоименная модель зоонимических метафор в русском и китайском языках / Сюэ Бин // Весці БДПУ. Серыя 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2024. – № 1. – С. 85–89.
2. Сюэ Бин. Специфика семантизации местоимения «я» в конструкциях с предметными номинациями (на материале русского и китайского языков) / Сюэ Бин // Русский язык и литература. – 2024. – № 9. – С. 60–64.
3. Сюэ Бин. Сложные местоименно-субстантивные конструкции условного типа (на материале русского и китайского языков) / Сюэ Бин // Весці БДПУ. Серыя 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2025. – № 1. – С. 121–125.
4. Сюэ Бин. Семантизации местоимений *я – ты* в художественном дискурсе (на материале русского и китайского языков) / Сюэ Бин // Вестник БГУИЯ. Серия 1, Филология. – 2025. – № 2. – С. 60–69.
5. Сюэ Бин. Структурно-семантическая организация многокомпонентных местоименных конструкций в русском и китайском языках / Сюэ Бин // Весці БДПУ. Серыя 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2025. – № 4. – С. 130–134.

Статьи в сборниках научных работ

6. Сюэ Бин. Персонифицированные местоимения в русском и китайском языках / Сюэ Бин // Язык и межкультурные коммуникации : сб. науч. ст. / Бел. гос. пед. ун-т ; редкол.: В. Д. Стариченок (отв. ред.) [и др.]. – Мн., 2023. – С. 410–412.
7. Сюэ Бин. Семантизация местоимения *ты* в китайском и русском языках / Сюэ Бин // Чатырнаццатая Танкаўскія чытанні : зб. навук. арт. Міжнар. навук. канф., Мінск, 20 верас. 2024 г. / Бел. дзярж. пед. ун-т ; рэдкал.: В. Д. Старычонок (адк. рэд.) [і інш.]. – Мн., 2024. – С. 330–334.
8. Сюэ Бин. Репрезентация личных местоимений первого лица в русском и китайском языках / Сюэ Бин // Язык, литература и культура Республики Беларусь и Китайской Народной Республики: точки соприкосновения и перспективы взаимодействия : сб. ст. Междунар. науч.-практ. семинара, Витебск, 21 нояб. 2024 г. / Витеб. гос. ун-т, Проф. ин-т Хух-Хото ; редкол.: И. П. Зайцева, Ма Лун (отв. ред.) [и др.]. – Хух-Хото, 2024. – С. 59–62.
9. Сюэ Бин. Метафорические конструкции абстрактного содержания «личное местоимение + существительное» (на материале русского и китайского

языков) / Сюэ Бин // Текст. Язык. Человек : сб. науч. тр. XIII Междунар. науч. конф. в рамках Недели рус. слова, Мозырь, 23 мая 2025 г. / Мозыр. гос. пед. ун-т ; редкол.: С. Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь, 2025. – С. 259–264.

10. Сюэ Бин. Функциональная семантизация личных местоимений в семантической противоположности в русском и китайском языках / Сюэ Бин // Язык и межкультурные коммуникации : сб. науч. ст. X Междунар. науч. конф., Минск, 24 окт. 2025 г. / Бел. гос. пед. ун-т ; редкол.: В. Д. Стариченок (отв. ред.) [и др.]. – Мн., 2025. – С. 396–399.

Материалы и тезисы научных конференций

11. Сюэ Бин. Дискурсивная семантика местоимений «я», «ты» в русских и китайских конструкциях с фитонимическими номинациями / Сюэ Бин // Русский язык: система и функционирование : материалы X Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию филол. фак. Бел. гос. ун-та, Минск, 22–23 окт. 2024 г. / Бел. гос. ун-т ; редкол.: И. С. Ровдо (гл. ред.) [и др.]. – Мн., 2024. – С. 230–234.

12. Сюэ Бин. Дихотомия личных местоимений *он, она* в персонифицированных конструкциях русского и китайского языков / Сюэ Бин // Язык. Коммуникация. Культура : сб. тез. докл. III Междунар. науч. конф., Гродно, 23–24 окт. 2025 г. / Гродн. гос. ун-т ; редкол.: С. В. Адамович (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2025. – С. 64–65.

РЕЗЮМЕ

Сюэ Бин

Функциональная семантизация личных местоимений в русском и китайском языках: структура, типология, моделирование

Ключевые слова: личное местоимение, семантизация, модель, персонифицированные номинации, анимистические номинации, метафора, сложные синтаксические конструкции

Цель исследования: установить специфику семантизации русских и китайских личных местоимений единственного числа в процессе их функционирования в различных контекстах с предметным и абстрактно-понятийным содержанием.

Методы исследования: сравнительно-типологический, описательный, статистический, контекстуальный методы, компонентный анализ.

Полученные результаты и их новизна. Впервые на репрезентативном фактическом материале проведено комплексное исследование семантизации личных местоимений единственного числа, определён состав персонифицированного и анимистического континуумов русского и китайского языков, на основе чего создан первый в лексикографической практике «Словарь местоименных коррелятов русского и китайского языков». Выявлена специфика структурно-семантических моделей радиально-веерного и циклично-блочного типов, предполагающих экспликацию двух и более референтов в двух-, трёх-, четырёх- и многокомпонентных местоименно-субстантивных конструкциях. Выделены типы логико-смысловой связанности между местоименными коррелятами, выражающие перечислительные, пояснительно-разъяснительные, утвердительно-отрицательные, сравнительно-сопоставительные, условные, темпоральные отношения. Установлены как типологические и специфические особенности семантизации личных местоимений в структуре китайского и русского языков, так и количественная представленность субстантивных коррелятов трёх местоименных форм в семантических моделях, а также осуществлено их ранжирование в пределах различных тематических групп и объединений сравниваемых языков.

Рекомендации по использованию полученных результатов. Основные положения и результаты диссертации могут быть использованы в области семасиологии, лингвистической типологии, теории семантической деривации, в процессе преподавания русского и китайского языков, при написании дипломных и магистерских работ, а также в лексикографической и переводческой практике.

Область применения: сопоставительное языкознание, лингвокультурология, семантика, лингвистическая типология, переводоведение, лингводидактика.

РЭЗЮМЭ

Сюэ Бін

Функцыянальная семантызацыя асабовых займеннікаў у рускай і кітайскай мовах: структура, тыпалогія, мадэляванне

Ключавыя словы: асабовы займеннік, карэлят, семантызацыя, мадэль, персаніфікаваныя намінацыі, анімістычныя намінацыі, метафара, складаныя сінтаксічныя канструкцыі

Мэта даследавання: устанавіць спецыфіку семантызацыі рускіх і кітайскіх асабовых займеннікаў адзіночнага ліку ў працэсе іх функцыянавання ў розных кантэкстах з прадметным і абстрактна-паняцыйным зместам.

Метады даследавання: параўнальна-тыпалагічны, апісальны, статыстычны, кантэкстуальны метады, кампанентны аналіз.

Атрыманыя вынікі і іх навізна. Упершыню на рэпрэзентатыўным фактычным матэрыяле праведзена комплекснае даследаванне семантызацыі асабовых займеннікаў адзіночнага ліку, вызначаны склад персаніфікаванага і анімістычнага кантынуумаў рускай і кітайскай моў, на аснове чаго створаны першы ў лексікаграфічнай практыцы «Слоўнік займеннікавых карэлятаў рускай і кітайскай моў». Выяўлена спецыфіка структурна-семантычных мадэляў радыяльна-веернага і цыклічна-блочнага тыпаў, якія прадугледжваюць эксплікацыю двух і больш рэферэнтаў у двух-, трох-, чатырох- і шматкампанентных займеннікава-субстантыўных канструкцыях. Вылучаны тыпы логіка-сэнсавай звязанасці паміж займеннікавымі карэлятамі, якія выражаюць пералічальныя, тлумачальна-паясняльныя, сцвярджальна-адмоўныя, параўнальна-супастаўляльныя, умоўныя, тэмпаральныя адносіны. Устаноўлены як тыпалагічныя і спецыфічныя асаблівасці семантызацыі асабовых займеннікаў у структуры кітайскай і рускай моў, так і колькасная прадстаўленасць субстантыўных карэлятаў трох займеннікавых форм у семантычных мадэлях, а таксама праведзена іх ранжыраванне ў межах розных тэматычных груп і аб'яднанняў дзвюх моў.

Рэкамендацыі па выкарыстанні атрыманых вынікаў: Асноўныя палажэнні і вынікі дысертацыі могуць быць выкарыстаны ў галіне семасіялогіі, лінгвістычнай тыпалогіі, тэорыі семантычнай дэрывацыі, у працэсе выкладання рускай і кітайскай моў, пры напісанні дыпломных і магістарскіх работ, а таксама ў лексікаграфічнай і перакладчыцкай практыцы.

Галіна выкарыстання: супастаўляльнае мовазнаўства, лінгвакультуралогія, семантыка, лінгвістычная тыпалогія, перакладазнаўства, лінгвадыдактыка.

SUMMARY

Xue Bing

Functional semantization of personal pronouns in Russian and Chinese languages: structure, typology, modeling

Key words: personal pronoun, semantization, model, personified nominations, animistic nominations, metaphor, complex syntactic constructions

The aim of the study is to establish the specifics of semantization of Russian and Chinese singular personal pronouns in the process of their functioning in various contexts with objective and abstract-conceptual content.

Research methods: comparative-typological, descriptive, statistical, contextual methods, component analysis.

The results obtained and their novelty. For the first time, a comprehensive study of semantization of singular personal pronouns was conducted using representative factual material. The composition of personified and animistic continuums of Russian and Chinese languages was determined, which served as the basis for the creation of the first in lexicographic practice “Dictionary of Pronominal Correlates of Russian and Chinese Languages”. The specificity of structural-semantic models of the radial-fan and cyclic-block types was revealed, implying the explication of two or more referents in two-, three-, four-, and multi-component pronominal-substantive constructions. Types of logical-semantic relationships between pronominal correlates expressing enumerative, explanatory-explanatory, affirmative-negative, comparative-contrastive, conditional, and temporal relations are identified. Typological and specific features of semantization of personal pronouns in the structure of Chinese and Russian languages, as well as quantitative representation of substantive correlates of three pronominal forms in semantic models have been established, and their ranking has been carried out within various thematic groups and associations of the compared languages.

Recommendations for the use of the obtained results: The main provisions and results of the thesis can be used in the field of semasiology, linguistic typology, the theory of semantic derivation, in the process of teaching Russian and Chinese languages, when writing diploma and master’s theses, as well as in lexicographic and translation practice.

Field of application: comparative linguistics, linguoculturology, semantics, linguistic typology, translation studies, linguodidactics.

